

Э.Ф.Нагуманова

**Ф.И.ТЮТЧЕВ И ТАТАРСКИЕ ПОЭТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА:
ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО «Я»**

В лирике авторское начало особо значимо. Его явная выраженность через систему языковых средств очевидна.

Сопоставляя произведения поэтов разных национальных литератур и пытаюсь определить трансформацию авторского «Я» в них, приходится исходить как из указанной общей природы лирики, так и из национальных условий поэтического творчества.

Наша задача заключается в выделении некоторых общих форм выражения авторского начала, характерных для Ф.И. Тютчева и татарских поэтов начала XX в. (в частности, Дардменда, Ш.Бабича, С.Рамиева и С.Сунчелея).

Авторское «Я» в стихотворении может быть выражено через художественно-речевые средства.

1. В изображении природы Ф.И.Тютчев предпочитает необычные, можно сказать, парадоксальные с точки зрения реального смысла эпитеты и сравнения: *заря сеет свежие розы* («Яркий снег сиял в долине...»), туманы напоминают воздушные руины («Утро в горах»). Он говорит о *всемирном благовесте солнечных лучей*, о *«румяном, громком восклицании»* утреннего луча и т.д.

Поэт с особой любовью употребляет прилагательные «чуткий» («в чуткой темноте», «чуткое молчанье», «чуткие звезды»), «очарованный» («очарованная мгла»), «лучезарный» («лучезарное море», «лучезарен вечер»). Они наполнены у Тютчева особым значением, несут в себе нечто таинственное и неземное.

2. Эпитеты, сравнения, использованные в лирических произведениях Дардменда, во многом подчеркивают его индивидуальный образ мышления. Очень часто в его стихотворениях мы встречаем выражения *«черегән өмет»* («сгнившая надежда»), *«моңлы зар»* («унылая печаль»), *«моңлы агыш»* («унылое течение»), *«гариб моң»* и т.д.

Слова *«моң – моңлы»* («печаль - печальный») подчеркивают и состояние души самого поэта.

3. О неповторимом «Я» Дардменда говорят и те существительные, которые он предпочитает употреблять в тексте: *«нида»* (*зар-ыңгырашу*) - *стон*, *«фида»* - *жертва*, *«әннәр»* - *звуки*. Они наполнены неким тайным смыслом, скрытым за внешней формой.

Индивидуальное словотворчество – незыблемая поэтическая черта Тютчева. В его стихотворениях мы очень часто встречаем выражения *«грустно - сиротеющий»*, *«волшебнo-немой»*, *«болезненно-яркий»*, *«дымно-легко»*, *«мглисто-лилейно»* и т.д. Именно через такие слова передается и своеобразный взгляд автора на мир.

О неповторимой творческой манере Тютчева говорят и экзотические слова, встречающиеся в его стихах: «*киммерийская*», «*элисейская*», «*кипарисная*» и т.д. Он готов уловить сокровенные связи и между совсем разнородными явлениями.

4. Об индивидуальной авторской позиции многих татарских поэтов начала XX в. говорят повторы слов в отдельных строках.

*Минем тән озын, минем тән кара,
Күрмим хәят, тирәм дәм караңгы,
Караңгы хәтта янган шәмем,
Караңгыдан рухым да каралды.*

(«Моя ночь длинна, моя ночь темна, не вижу жизни, вокруг сплошная темнота, темна и горящая моя свеча, из-за темноты почернела и душа моя»). (Подстрочный перевод – Н.Э.).

Таким образом, С.Рамиев в стихотворении «*Минем тән*» («Моя ночь») показывает, как темнота становится основополагающим началом жизни, она постепенно вкрадывается и в человеческую душу.

5. Стремление привлечь внимание читателей к отдельному слову проявляется и в поэзии Ш.Бабича. Это становится одним из приемов выделения авторской мысли.

В стихотворении «*Әйдә, күңелем, монда торма...*» («Давай, душа, не стой здесь...»), существительное «*күк*» (күккә) – небо (к небу) повторяется пять раз в первых двух строчках. Автор через это слово передает свою устремленность в вышину, в небесную чистоту.

6. Индивидуальное «Я» поэта может проявляться и через особое построение стихотворных строф.

Большое значение в тютчевской поэзии имеют ассонанс, аллитерация и звукоподражание (например, «*Кругом, как кимвалы, звучали скалы*»).

Татарские поэты начала XX в. также уделяли большое внимание внешней форме стиха (Дардменд, Ш.Бабич). Так, само сочетание сонорных л-р в дардмендовских строках «*Таулы матур илләрендә // Гөрли агым сулары...*» («На твоих красивых холмистых землях бушуют водные потоки...») передает плеск водяных струй.

Многие лирические произведения Ш.Бабича и С.Сунчелея состоят из вопросительных и восклицательных предложений.

Бабич вступает в беседу со Вселенной («*Дөньяга*» – «*Миру*»), со звездами, небосводом («*Караңгылыкта*» – «*В темноте*»). Стихотворение («*Жан*» «*Душа*») построено в форме вопросов к «Ты» (душе), а в последних строках мы слышим страстный призыв поэта к ней:

*Чык, жаным, тән зинданыннан, күккә оч, ямьләр янә,
Жүргә төшсен, ал шәфәктәй алланып, шәүләң генә.*

(*Выйди, моя душа, из плена тела, взлети на небо, пусть упадет на землю, как алая заря, лишь тень твоя.*)

Обращения к солнцу, ко Вселенной, к народу звучат в лирических произведениях С.Сунчелея «Жэй» («Лето»), «Караңгы һәм газаплы төн» («Темная и мучительная ночь»). Все эмоции поэта выплескиваются наружу. Он ощущает себя частицей огромного мира, и то, что волнует людей, оказывается близким и ему.

7. Немаловажную роль в стихотворениях татарских поэтов играет и рифма.

Дардменд, С.Рамиев являются новаторами в области внедрения в татарское стихосложение усиленно-ударного стиха. Для некоторых лирических произведений Дардменда характерна и система русской рифмовки: **абв-абв**. Стихотворения «Бәллү» («Колыбельная») и «Видагъ» («Расставание») построены в форме, соответствующей западной поэтической мысли. Они выделяются среди остальных произведений татарского поэта как яркие примеры отклонения от традиционного.

8. Важное значение приобретает в стихотворениях Тютчева и Дардменда момент умолчания.

Многоточия в произведениях русского поэта говорят о невозможности передать читателю через слова все мысли, все таинственное и непостижимое, волнующее его душу. Дардменд замолкает чаще всего перед тем, что не понимает или же, как Тютчев, не может выразить словом. Он может только, как бы умолкая, дать понять, что теснится в его нераскрытой душе.

Татарские поэты начала XX в. выступали часто в роли ученика, стремящегося докопаться до истины и ждущего подсказки со стороны Учителя - Бога. Так как, по мнению многих поэтов Востока, только Всевышний имеет постоянное бытие и по своему усмотрению творит каждое мгновение [Арабская 1978]

Итак, мы остановились лишь на художественно-речевых и синтаксических средствах языка, через которые авторы пытаются донести до читателя свою душу. Необходимо, однако, отметить, что хотя поэты используют практически одни и те же единицы для выражения авторского начала в тексте, но мера их проявления у Тютчева и татарских лириков начала XX в. различна. Ш.Бабич, С.Рамиев и С.Сунчелей, в отличие от Ф.Тютчева и Дардменда, очень часто напрямую не выражают свое «Я», они растворяют его во внешней и внутренней форме стиха.

ЛИТЕРАТУРА

Арабская средневековая культура и литература: Сб. ст. зарубежных ученых.– М.: Наука, 1978.

Брюсов В.Я. Сочинения: В 2 т.– М.: Худ. лит., 1987.- Т.2.– 575 с.

Магина Р.Г. Русский философско-психологический романтизм: (Лирика В.А.Жуковского, Ф.И.Тютчева, А.А.Фета). – Челябинск, 1982. – 96 с.